

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

УДК 14

Андрей Анатольевич Глазунов
УрФУ, г. Екатеринбург, Россия

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ МИФОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. Ф. ЛАВКРАФТА

Статья посвящена рассмотрению танатологии, содержащейся в ряде рассказов американского писателя Говарда Филлипса Лавкрафта. В результате обзора литературы с помощью герменевтического и феноменологического методов делается вывод об особенностях содержащихся в творчестве Лавкрафта танатологических идей.

Ключевые слова: танатология; вселенная Лавкрафта; религиозная мифология; смерть; эсхатология

Творчество Говарда Филлипса Лавкрафта оказало и продолжает оказывать на современную массовую культуру огромное влияние – выходят новые книги, фильмы и игры в поджанре лавкрафтианского ужаса. На это не могли обратить внимание различные ученые, начиная от Роберта Прайса и заканчивая Грэмом Харманом, которые интерпретируют и рассматривают творчество Лавкрафта с различных сторон и применяя разнообразные теории и методы. Среди вопросов, рассматривающихся в многочисленных работах по Лавкрафту, почти не звучит тема смерти и посмертия, как она представлена в произведениях автора. В данной статье предлагается исследовать танатологию религиозной мифологии Г. Ф. Лавкрафта на примере пяти его рассказов: «Показание Рэндольфа Картера», «Герберт Уэст, реаниматор», «Гипнос», «Скиталец Тьмы» и «Ньярлатхотеп».

Прежде, чем переходить к рассмотрению примеров, стоит обратиться к терминам и методам. Под танатологией здесь понимается «наука об общекультурном опыте осмысления феномена смерти» [1, с. 30]; «междисциплинарная область научных исследований, решающая большое количество задач, связанных с осмыслением сущности смерти, ее причин и механизмов, изучением исторических и современных стратегий ее понимания» [1, с. 26].

Религиозная мифология – комплекс мифов, отсылающих к сверхъестественным силам. Автор статьи использует теорию религиозной мифологии Е. В. Ивановой, согласно которой религиозная мифология оказывается связанной с религиями вымышленных миров [2, с. 75].

В статье использованы герменевтический метод Г.-Г. Гадамера, а также феноменологический метод Р. Ингардена.

В произведении «Герберт Уэст, реаниматор» Герберт Уэст и его друг, от лица которого ведется рассказ, участвуют в запретной и запрещенной деятельности по оживлению мертвецов. Герберт Уэст сманивает главного героя своими исследованиями по возвращению умерших к жизни путем инъекции химических растворов. Инициатором всех запретных как со стороны общества, так и, как это выясняется позднее, со стороны

самой природы и инобытия экспериментов является именно Уэст – несомненно, в данной истории он является трикстером антигероического типа с налетом демонизации, который обманом преступает законы природы. Сам Лавкрафт намекает через речь главного героя: «В радикальной теории воскрешения они усматривали всего-навсего незрелую причуду молодого энтузиаста, чье субтильное сложение, светлые волосы, голубые глаза, скрытые за стеклами очков, и тихий голос ничем не выдавали сверхъестественной, почти дьявольской силы его холодного ума» [3, с. 53]. Главный герой же, принимая самое активное участие во всей этой деятельности, при описании событий отзывается о содеянном с ужасом и отвращением: «предпринятое нами в недолгие ночные часы было омерзительно – хотя в ту пору кладбища еще не вызывали в нас того ни с чем не сравнимого ужаса, который развился позднее» [3, с. 49].

Уэст, а вместе с ним и главный герой, бросают вызов обществу и природе, но только последний выносит из этого противостояния необходимый урок и подводит итог – опровергать законы общества и природы безрассудно и смертельно опасно, особенно когда это касается жизни и смерти. Ожившие мертвецы, ужасные последствия экспериментов Герберта Уэста, растерзали его на части, а герой остался жить на грани сумасшествия от осознания ужасающей правды о том, что то Зло, тот Хаос, который они с Уэстом потревожили, нарушив непреложный Порядок, все еще ходит по земле. Стоит заметить, что ожившие мертвецы оказываются именно потревоженным хаотическим элементом, а не созданным новым видом «нежизни». Ожившие трупы предстают не безвольными и бездумными зомби, а злыми, хитрыми и коварными существами. Таким образом, из рассказа можно вывести следующий вывод – граница между жизнью и смертью должна преодолеваться только в сторону последней, иначе последствия для нарушителей будут ужасны.

Данная мысль подтверждается и в рассказе «Гипнос», где главный герой является сновидцем – человеком, способным посещать Страну снов. Однажды он встречает такого же сновидца и просит его о наставничестве. Вместе они совершают путешествия в Стране снов, про-

двигаясь в ней все дальше и дальше, пока на их пути не возникает «непреодолимое препятствие. Оно напоминало те, что попадались нам прежде, но было гораздо плотнее – какая-то липкая тягучая масса, если только подобные определения применимы к нематериальным объектам» [4, с. 132]. Наставник героя преодолевает этот барьер, в то время как сам герой не в состоянии проникнуть за это препятствие. Но преодоление этой завесы ни к чему хорошему не приводит: «Глубоко потрясенный и чуть не до смерти напуганный, мой друг, побывавший за последней чертой, предостерег меня от новых подобных попыток. <...> Вскоре я убедился в его правоте: стоило мне задремать, как меня охватывал невыразимый ужас» [4, с. 133]. Впоследствии, именно наставник главного героя умирает в муках, превращаясь в гипсовый бюст бога Гипноса. Сны, которые также можно назвать «маленькой смертью», в данном произведении оказываются действительным путем к границе, на которой мир живых заканчивается. Герой, не преодолев зловещий барьер, тем самым спасается от смерти, которая настигла преступившего границу наставника. Лавкрафт в очередной раз настаивает на том, что смерть это не просто прекращение существования – после жизни есть что-то еще, что-то невыразимое и ужасное.

Эта же идея присутствует в еще одном рассказе Говарда Филлипса – «Показания Рэндольфа Картера».

Ради неких таинственных оккультных экспериментов Картер и друг-наставник Уоррен пришли на очень старое кладбище. Они обнаружили подходящий для исследования склеп и сдвинули плиту, закрывавшую вход. Уоррен попросил Картера остаться на поверхности, взамен пообещав держать связь по телефону, а сам спустился в глубины склепа.

В какой-то момент телефон зазвонил, и Картер услышал полный страха голос Уоррена, который всячески сетовал на то, что решил спуститься и умолял Картера как можно быстрее бежать отсюда. Рэндольф послушался увещаний приятеля и продолжал сидеть рядом с телефоном. В какой-то момент Уоррен закричал, чтобы Картер бежал, и его крик завершился «воплем, исполненным тысячелетнего ужаса» [5, с. 34]. А после резко наступила тишина. Через какое-то время телефон снова щелкнул, и на все вопросы Картера ответил голос, который был «низким, вязким, глухим, далеким, замогильным, нечеловеческим, бесплотным» [5, с. 35]. Голос ответил Картеру, что Уоррен мертв. После этого Рэндольф потерял память до того момента, пока не оказался в больнице. Таким образом, в погоне за потаенными знаниями Рэндольф и Уоррен разбудили древнее хтоническое Зло, которое уничтожило Уоррена, а Рэндольфа чуть не свела с ума. Здесь акцент на хаотичности и хтоничности посмертного существования сделан еще сильнее, чем в приведенных выше работах.

В рассказе «Скиталец Тьмы» главного героя преследует, а затем, возможно, убивает воплощение одного из Древних Богов – «ползучего хаоса» Ньярлатхотепа. «Чего я боюсь? Разве это не аватара Ньярлатхотепа, который в древнем и сумрачном Кхеме принимал обличье человека? <...> Я вижу это – оно приближается... адский ветер... исполинское пятно... черные крылья... Йог-Сотот, спаси меня... тройной горящий глаз...» [6, с. 315] – таковы последние слова Роберта Блейка,

главного героя этой истории. Даже его мольбы к другим Древним Богам не приносят результата – и он остается наедине со смертельным ужасом, не в силах ни победить Зло, ни спрятаться или сбежать от него. В данном случае мы можем наблюдать личную смерть, переживаемую непосредственно героем-рассказчиком. Здесь нет намеков на ужасное посмертное существование человека, но зловещий Скиталец Тьмы предстает аналогом Танатоса, сверхъестественной сущностью, которое несет только смерть, является самой смертью.

К танатологии относится и такое направление, как эсхатология, которая неразрывно связана с гибелью не только человека, но и мира. Свое видение конца света Лавкрафт представил в рассказе «Ньярлатхотеп»: «Когда это началось, я точно не помню – во всяком случае, с тех пор минул не один месяц. Весь мир словно застыл в напряженном ожидании чего-то страшного. К повсеместному политическому и общественному брожению добавилось странное и неотвязное ощущение надвигающейся катастрофы – катастрофы глобальной и неотвратимой, подобной тем, что происходят в кошмарных снах. Люди ходили бледные и встревоженные; воздух наполнился всевозможными предсказаниями, которые настолько противоречили здравому смыслу, что никто не смел в них поверить. Над планетой тяготело сознание неискупимой вины, а из бездонных межзвездных пространств веяло ледяным холодом, и горе было тому, кто испытывал его на себе, оказавшись в темном безлюдном месте! Смена времен года дала какой-то дьявольский сбой – бабье лето, казалось, длилось уже целую вечность, и создавалось впечатление, что мир, а быть может, и вся Вселенная вышли из подчинений известных людям богов или сил и подпали под власть богов и сил неведомых» [7, с. 186]. Затем появляется Ньярлатхотеп, который очаровывает людей, а затем мир уничтожается. Герой-рассказчик, будучи не в силах противостоять смертоносным силам, прыгает в бездонную тьму, бездну беспроблемного ужаса. Летя в бездне, он видит мертвые планеты и разрушенные города. «И на всем протяжении этого жуткого вселенского кладбища падение сопровождается приглушенными тонкими заунывными причитаниями кошунствующих флейт; и под эти отвратительные дробы и трели, что доносятся из непостижимой беспроблемной бездны, лежащей за гранью времен, выделяют свои замедленные, неуклюжие и беспорядочные па гигантские, чудовищные боги, последние боги Вселенной, эти незрячие, немые и бездушные статуи, воплощение которых – Ньярлатхотеп» [7, с. 190]. В его интерпретации апокалипсис не содержит эпической битвы Добра и Зла – только безумие и уничтожение всего и вся под музыку и танцы Древних Богов. И, как и в предыдущем примере, причиной гибели мира становится бог, несущий смерть – Ньярлатхотеп.

Рассмотрев вышеприведенные примеры, можно сделать следующий вывод. Танатология Лавкрафта имеет в своей основе два основных тезиса: «смерть – та граница, нарушение которой приведет нарушителей к неизбежному, неотвратимому наказанию» и «за пределами известной реальности есть сверхъестественные сущности, которые неизбежно и неотвратимо несут смерть не только одному конкретно взятому человеку, но и все-

му миру». Таким образом, важными чертами смерти и смерть приносящих в танатологии Г. Ф. Лавкрафта являются неотвратимость, неизбежность и хаотическая-хтоническая природа, не поддающаяся рациональному объяснению и осмыслению. Отсутствует вознагражде-

ние праведным и наказание неправедным, отсутствует реинкарнация или посмертное существование душ в определенном, конкретном месте. Только безумие и хаос, в котором бродят неуспокоенные, хтонические чудовища и правят безумные хаотические боги.

Литература

1. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию. / Р. Л. Красильников – «Языки Славянской Культуры», 2015. – 488 с.
2. Иванова Е. В. Онтологические основания понятия «религиозная мифология» // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Ежемесячный научный журнал. 2014. № 2. Ч. 2. С. 75–77.
3. Лавкрафт Г. Ф. Герберт Уэст, реаниматор // Погребенный с фараонами: повести, рассказы / Г. Ф. Лавкрафт; пер. с англ. С. Антонова, В. Дорогокупли, В. Кулагиной-Ярцевой и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – С. 45–87.
4. Лавкрафт Г. Ф. Гипнос // Загадочный дом на туманном утесе: повести, рассказы / Г. Ф. Лавкрафт; пер. с англ. И. Богданова, Л. Бриловой, В. Дорогокупли и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – С. 129–137.
5. Лавкрафт Г. Ф. Показания Рэндольфа Картера // Малое собрание сочинений / Г. Ф. Лавкрафт; пер. с англ. О. Алякринского, И. Богданова, Л. Бриловой и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 29–35.
6. Лавкрафт Г. Ф. Скиталец Тьмы // Малое собрание сочинений / Г. Ф. Лавкрафт; пер. с англ. О. Алякринского, И. Богданова, Л. Бриловой и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 291–315.
7. Лавкрафт Г. Ф. Ньярлатхотеп // Загадочный дом на туманном утесе: повести, рассказы / Г. Ф. Лавкрафт; пер. с англ. И. Богданова, Л. Бриловой, В. Дорогокупли и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – С. 186–190.